

ВИЧЕНЧУЧЕНЧ НАСЛЕДИ
спер с главным романесом
одного из ленинградских та-
уторов: я доказывала, что все
безды театрального искусства
от аморфности художественных
программы, он разъяснял мне,
что без не больше, чем
обычно, в программы, сущест-
вуют, но подспудно... Сейчас,
посмотрев подряд гастроль-
ные спектакли сразу трех мо-
сковских коллегий, я
вспомнила тот спор... Дейс-
твительно, программы... Нуужно
ли, чтобы скрывались они в
каждой работе! И можно ли
назвать «программой» любую
имя, которая идет безымянно
пунктиром!

ПЕРВЫМ приехал к нам на гастроли Малый театр Союза ССР. Вот уж где программа налицо! Здесь изданы два боя — актер и русский драма.

Театр показал ленинградцам новые работы — «Хищники» А. Писемского и «Лесник» А. Чехова. Оба спектакля были изданы в виде пьес с комментариями. Но, первый, целиком оказался во власти актерского самодержавства, демонстрации ковыльных, острых, грозовых, в лучшем случае — темпераментных или интуитивных личностей (или, например, Э. Маринетти мастерски выстроил причудливую линию роли Графа). В итоге от сочинения Писемского осталась одна заблодившая кукла-девка, обставленная позади складками костюмов в пору неperfоменской чиновнической постыдки.

Драматическая литература и драматургия тут не разшатываются, а созидаются, ибо «тайны соавторами» у хореос театра оказываются режиссером. Спектакль, поставленный В. Морозовым, мог бы называться «Некрасинская вьеска» — в его основе не классический чеховский пиджак, а эскизы, черновые наброски. Он становится интересен не там, где тщится добираться до отточенного ариэттизма — «Дядя Ваня», а в тех сценах, в тех характеристиках, которые дает им неканонический Чехов.

бу оказывается и сам разный Чехов, приспешником к коллизиям в характерах, от-
ношениях, не решивший еще
только, кому больше сочувствовать, на кем произнинировать.
Здесь Софья (Ю. Кузнецова) —
резонансная эмансипа с субтупо-
современными интонациями.
Здесь Елена Андреевна (Л. Ти-
това) — малолитературное существо,
более рассчитанное, не-
меньше обольстительное. Ее про-
тест выглядит фарсой, иначе
не меньшим, чем финальный
альянс простушки Юлии (И. Тельягина) и опереточного
корсакина Феди Орловского
(Д. Назаров). Но — странно! —
не все персонажи уклады-
ваются в композиции рамки
«чеховианки»: Жорж Винни-
ций и Леший вносят в спектакль
диссонирующие ноты
зрелого Чехова, поглядыва-
щего и недободанный драматич-

— совершенно самостоятельный переходом, и претендующим на то, казалось бы, венец. Попытка это не слишком смутными бриллиантами, раздражительными, болезненными самолюбийскими, неуклюже ухаживающими за Еленой Аларесской. Но когда смутная неуловимость становится настоящей болью, понимаешь что пропала жизнь, Войинский перестает быть резким и шумным, отчаяние и решимость покончить с собой проявляется, не в голосе, а в

риаются не в волнах, а
в тихих слогах в паузах.

Летом у Александра Абис-
това — единственный живо-
тный мир — беспомощны
мушки, сидящие на стекле.
Просто сказать, идет ли это
из-за, от здешнего актера или
от нашего сочувствия персонажу. Режиссер знает, знает
здесь, знание Чехова, знает
легкому, отдалену его от-
личных даже милицейских
романов, поддерживая чеховский
«атмосферный» темпо-ритмич-
еской, эмоциональной драмы
сценария И. Сумбатянца. Но
чертополе, равнине пробе по-
засвистел будущий ше-

МИХАИЛ ЛЕПИТИН, главный
журналист московского театра
имени Чехова, нашёл на тому читателей
[дало, что есть в этих
органических, набраскxах,
чертежах]. Это спектакль
этот, или Смерть Зинды —
разволнующий, пристальный
спектакль, в чередовании, «па-
шты» пьесы Ю. Олеши. Все
это этого недавно скончавшегося со-
плема связывается, вспоми-
нает... Автора. Модест
ида уверяется в правах с
ним Олеши и «поднимает»
конфликт, очевидно, очень

for the next 500 years

— художник и время
вымыслит и реальность, дух
быт. На сцене словно оживят
картины фантазии писателя
(или познанье, как булгаковеско-
му Максудову из «Театрала»)
Но романа, якобы героя
еще будущей письмы?... Задес-
нилого приюти, отстраивания, ни-
ры. К черновику относятся без
ложного честства, но к автору —
с подлинной любовью. Чиста
шата духовная, нравственная,
жизненная — окружает
Запада. Чистота, возможно, устроена
или проиницирована для целей
говор, и герой так и не достич-
ает гармонии: попытка жить
исключительно заботами персо-

Journal of Health Politics, Policy and Law

майскийский рассказ Гунчилова они врутся на пристор асемиейной истории, хоть география не впускает их дальше Татарии... Роль самого автора (она же Автор) вынесена на сцену. Миссис-кинглония преосвященна по исполнителю Г. Храпуновой, вспыхнувшей пастушескими споровладжами, поднимавшими лубя, побеждалийши биты пати. Так мы знакомимся с замечательными писательницами, со всеми рунической и философской, выше заговорившимися по-русским. Гораздо меньше удается встичи прервать нашего сопротивника — тоже философ-поэта и остроумца. Саксонская называется «Габриэль», и неиз-

— 1 —

Лостошского, написанными в 1862 году, называется и званиется спектакль «Слыверий анекдот». Наде, как на бре- гах Невы, не может пропустить аично и отчестной эпохе исто- рии. В юношеской версии А. Левитина отголоски про- ступают все фантастические черты мифа в Петербурге. Тут же один Достоевский, тут и Ивана Маяков участвует, и Андрей Белый; и Мандель- штам, постингом иронизирует, что разделены города на линии и политически, генеральски. Водолазов — гуманистических фантазий и демократических излияний, головорукожатльяя жажды популярности убежден Ивана Плаудинского на петербургском дне — к ак-ции, включавшей Петрови- ными и Максимовыми. Его интенционно засосава несущимся, загадочная стихия — трясина, статья свойственная нашей северной природе.

Когда Александровский стол поднялся, герой Виктора Гозодинского («шлях, потерянно-го ленинградской сценой») на молчании чирокинцев и доор-никаны. Но, попав в круго-верт народного веселства, раз-гуля в простыни ухольствий, превратился в блестящий моло-дой генерал в жаждого инте-рьета, притянувшись на патер-ти. Зашерпив в алахоне подмы, сам себя не узнает в отраже-нии Иван Пильца. Но мы — узнаем. Режиссер с самого начала предвзято на нас обрамлен-ного, чумицкого, с фонарем под-плоти, спущенным, я пришел сказать, двойника героя («Гераклов»). Переюзак типично Достоевский — втоб «яз-Ивана Пильца, объединяющий его и в петербургскими тру-шебашами, и с соединением зри-тельный залом, которому он пагладко демонстрирует, как может подхватить тебя изоб-разию и поспеть Бог знает куда и Бог знает зачем. Не-удержимая сила и трогатель-но-принужденный порыв величие-свойства русской души».

запомнил, что затянулся изрядно спасибо. А все же несомненно, соединяя композитора, театр находился под наставлением современного спектакля. С точными актерскими работами, с тонкими сочетаниями ученого и диджидинго. Можно ли считать эту работу программой? Но-мому, безусловно. Постановка талантливых мэтров — Чехова, Достоевского, Олеши — разве это не путь к собственному эстетическому крепанию?

И ЕЩЕ ОДНОМ «ноческом» впечатлении. Без него гастрольная картина не будет полной. Театр на Лубянской площади, помимо «Ла-дьи Ильинсы А. Володина (которой нас уже не удалили), привнес спектакль, маргинальную, первую — сочинение Венедиктиха Ерофеева «Валь-пурнэ» или, или «Лаги-кан-мандор». Сюжет, напомнивший о «Посаде под гнездом кукушкой», и «Дон-Жуане», восходит от писательского блеска и черного юмора драматиков к очистительному благо-вству, от обиженной розы к единению... Сценографическая конструкция В. Энрио не слу-чайно схожа с татарским памятником Третьему Интернационалу — Герою — Дон-Жуану палаты № 3 из греков бывший Стасиада эфросовского «Дон-Жуана» — Л. Капецкин. И все это имеет не только само-стоятельную художественную ценность, но и важное подобство с трагиками Малой Бронной, которая наряду с Тагалкой и «Современником» была любими и почитаеми ленинградскими театрами. Такой спектакль не поставили бы А. Эфрос. Его мог поставить только вынужденный главный режиссер — Владимир Портнов. Что и сделала. Исследование по примой вреда бы нет, но ролество духовное, безусловно, имеется. И в этом тоже пылает программа, финалмент, на котором можно возражать театру.

Возвращаясь к нашему спо-ру с одним из главных режис-серов, понимаем, что спора, собственно, не было, был ти-ничию чеховский диалог про чешчущий и чешчущий. Когда зритель видит ленинградские спектакли — «Таня», «Золотую мартиницу» или «Прощай Нула», — он тоже обожает

вает в них программу. Окунаясь же в поток нашего текущего репертуара, не видишь ни смысла, ни мастерства, ни художественных идей.

На снимках: В. Гвоздицкий и Г. Хралунова в «Славянском ансамбле» А. Хомякова

НА СЦЕНЕ—ГОСТИ

ЧЕРНОВИКИ, ВАРИАНТЫ, ПРОГРАММЫ

устройства мира обречена

· Обращение театра к «Закону» поднимает целый ворот социальных и эстетических проблем. Словно перелистывая

— «Мысли о прошлом и будущем», — вспоминаются страницы жизни наших любимых писателей — Олеши, Булгакова, Катаева, Шлыфа, Петрова, напомнивши об их югуринской молодости, страстном желании творить, любить, осмыслять „происходящее“.

лит в свой культурный контекст театра. «Мы», поясняет сатирическое поэтическое общество Михаила Мойзера Сфорина «Путешествие Вениамина Трельбога в Страну земляков», поставленное И. Шелко и сыгранное пятью актерами изумительно артистично. Е. Гершаков и А. Николов с необычайным достоинством и юмором представили пьесу еврейских Дон-Кихотов С. Синко Пансы. Их тело в

ет полного представления о Александре Галие. Получил лишь эскиз. Опринчаний во

анить эскиз (принчипиальный по-
рой с карикатурой) его отно-
шения к позорной стороне на-
шей «частной» действитель-
ности. Эстетика поэтического

актёра. Вспомни антическую спектакль 60-х «Гораций и горец погоня». А любопытно? А философия? А культура? Для этого места не хватало, хотя актёры Д. Белоголова, А. Ходченковский и А. Сысоев вполне могли бы передать и глубинные и вершины эпохи Галича. Его творчество известно зрителям гораздо меньше, чем стихи в песни Высоцкого, а также его

исели Высоцкого, и так важно, чтобы все приучившиеся поймали, кого мы потеряли...